

УДК 323.1

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-24-40

Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства

Сергей М. Маркедонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, smarkpost@gmail.com*

Аннотация. Де-факто государства (на постсоветском пространстве это Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, так называемые «народные республики» Донбасса) с формально-юридической точки зрения для международного сообщества не существуют. Однако это не отменяет их реального участия в общественно-политических процессах и конфликтах в Евразии. Многие важнейшие события на территории бывшего Советского Союза в той или иной степени связаны с этими образованиями. В статье рассматривается создание де-факто республик в контексте распада СССР, этнополитического самоопределения 1980–1990-х гг., а также трансформации международного права после завершения холодной войны. Автор дает собственное определение де-факто государств, производит типологизацию непризнанных образований, объясняет сходства и различия между ними, а также коллизии между правовыми и политическими подходами к ним. С его точки зрения, феномен де-факто государств не ограничивается исключительно постсоветскими «замороженными конфликтами», а продуктивное рассмотрение самого этого явления не представляется возможным без изучения их внутренней динамики, особенностей национально-государственного строительства и процессов демократизации. Большое внимание уделяется важности де-факто образований для международной повестки дня, в особенности в контексте неурегулированных международно-правовых отношений, отсутствия общих критериев территориальной целостности и национального самоопределения.

Ключевые слова: де-факто государство, этнополитический конфликт, национальное строительство, безопасность, внешняя политика, сепаратизм

Для цитирования: Маркедонов С.М. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11). С. 24–40. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-24-40

De-facto States: the Post-Soviet Political Phenomenon

Sergey M. Markedonov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, smarkpost@gmail.com*

Abstract. If viewed from a formal-legal point of view, the de facto entities (the ones which are most important for the present discussion: Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Abkhazia, Transnistria and the so called People's Republics in the South-Eastern Ukraine) do not exist for the international community. However the “virtual” existence of these states does not prevent them from being real participants in the political and security processes in the post-Soviet space. Many momentous events in Eurasia are connected, in some way, with the developments around such statelets. The author considers the establishing of the de facto states in the context of the USSR dissolution, of the ethno-political self-determination during this process and the transformation of the international law after the end of the “Cold War”. He defines the unrecognized states, creates their typology and explains their similarities and differences. In his view, the phenomenon of the de facto entities is not limited exclusively to the “frozen conflicts”, so a productive analysis of these formations is not possible without considering their domestic dynamics, the peculiarities of nation/state-building and the processes of democratization. The author pays special attention to the importance of the Eurasian de facto states to the international affairs, particularly in the context of the lack of common criteria for self-determination and territorial integrity of states.

Keywords: de-facto state, ethno-political conflict, nation-building, security, foreign policy, separatism

For citation: Markedonov SM. De-facto States: the Post-Soviet Political Phenomenon. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;1(11):24-40. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-24-40

Введение

В 1991 г. в результате распада Советского Союза появилось 15 независимых государств. Эти образования за время своего существования проделали различную внутри- и внешнеполитическую траекторию. Некоторые из них (страны Балтии) без особых потрясений стали членами НАТО и Европейского союза, в то время как ряд других прошли через кровавые конфликты и гражданские войны (Азербайджан, Грузия, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан), так до конца и не обеспечив собственную территориальную целостность и не разрешив острые проблемы национальной безопасности. Украина, которая в течение двух десятилетий рассматривалась в качестве успешного примера демократических трансформаций, оказалась перед лицом масштабного внутреннего конфликта, была вовлечена в серьезную конфронтацию с Россией и, по сути, превратилась в арену столкновения интересов РФ и Запада (США, НАТО, ЕС).

Однако появление международно признанных образований – не единственный результат распада некогда единого союзного государства. Другим не менее важным его последствием стало возникновение республик, провозгласивших свой суверенитет, но не получивших его поддержки на международном уровне. Известные как «непризнанные республики», «квази/псевдогосударства», «отколовшиеся сепаратистские окраины», они играют значительную роль в этнополитических конфликтах, процессах национального строительства на обломках СССР [1]. В настоящей статье мы используем для их описания академически и политически нейтральную дефиницию «де-факто государства». Те образования, частями которых они формально являются (Нагорный Карабах рассматривается частью Азербайджана, Приднестровье – Республики Молдова, Луганская Народная Республика (ЛНР) и Донецкая Народная Республика (ДНР) – Украины), мы определяем как «материнские государства» [2].

Де-факто республики существуют уже не первое десятилетие, но не имеют членства в Организации Объединенных Наций и широкого международного признания либо признаны всего несколькими государствами. По справедливому замечанию британского политолога и журналиста Т. Де Ваала, «быть руководителем непризнанного государства – незавидная работа... Это означает, что никто не приглашает тебя на международные встречи. ООН не отвечает на твои письма. Когда ты посещаешь иностранное посольство, тебя принимает не посол, а первый секретарь» [3]. В настоящее время таких образований шесть: Абхазия, Нагорно-Карабахская Республика (НКР), Приднестровская Молдавская Республика (ПМР), Южная Осетия и две «народные республики» Донбасса (Донецкая и Луганская на юго-востоке Украины). Две из них – Абхазия и Южная Осетия – в 2008–2010 гг. получили частичное признание своей независимости.

Понимание природы и основных характеристик де-факто образований бывшего Советского Союза является актуальной задачей в силу как академических, так и прикладных причин. Данная проблема рассматривалась в большом количестве исследований. Однако первоначально интерес их авторов фокусировался прежде всего на этнополитических конфликтах и причинах различных сепаратистских практик (и де-факто образования изучались не более чем побочный их эффект) [4,5,6,7,8]. По словам британского эксперта Л. Броерса, этот подход способствовал тому, что практически ничего не писалось о процессах демократизации и вообще о внутривнутриполитической динамике в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе [9]. Такие авторы, как Ч. Капчан рассматривали де-факто республики как фактор геополитической конкуренции России и Запада [10]. При этом сами эти образования отождествлялись с радикализмом, диктатом полевых командиров, анархией и разрушением регионального и международного порядка [11]. Американский исследователь Ч. Кинг уподоблял непризнанные республики «черным дырам» в мировой политической системе [12], тогда как норвежский автор П. Колсто рассматривал их как нечто близкое к феномену «несостоявшихся государств» [13].

Однако продолжительное время существования де-факто государств, а также активные попытки со стороны бывших автономных образований в составе союзных республик добиться международной легитимности после одностороннего признания Косово, расширили научный интерес к перспективам существования этих образований и внутривнутриполитическим аспектам их развития. Появились исследования по данным сюжетам, ранее вытесненным на второй план. Авторы стали активнее обращаться к изучению проблем

внутреннего суверенитета, электоральных процедур, особенностей демократизации в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье и Нагорном Карабахе [14,15,16,17,18]. В результате упрощенные и изрядно политизированные подходы к постсоветским де-факто государствам, основанные на представлении о них как об исключительно российских «геополитических инструментах» и явлениях преимущественно конъюнктурных стали переосмысливаться.

В то же самое время появление новых де-факто государств на украинском юго-востоке способствовало возвращению некоторых прежних стереотипов о непризнанных республиках, которые были характерны для изучения этнополитической ситуации в Закавказье в 1990 – начале 2000-х гг.

Так называемые «народные республики» Донбасса ныне рядом экспертов рассматриваются исключительно как образования с минимальной местной поддержкой и как ресурс для российского «вторжения» на Украину. В этом плане значительный интерес представляет экспертная полемика 2014 г. между С. Куделей и А. Умландом, в которой первый указывает на наличие значительных внутренних предпосылок конфликта в Донбассе, не связанных напрямую с вмешательством России, а второй, напротив, рассматривает это противостояние как внешнеполитическую авантюру Москвы [19,20].

В предлагаемой статье автор анализирует коллизии между формально-правовыми подходами и соображениями политической целесообразности в отношении к этнополитическому самоопределению, показывая, что отсутствие единых критериев к признанию государств в результате распада Советского Союза (а также параллельного с ним процесса дезинтеграции Югославии) стало причиной появления большого количества республик с оспоренным статусом. Предлагается типология непризнанных образований.

Де-факто образования: между формально-правовыми и политическими аргументами

В современной литературе существует большая терминологическая разногласия относительно того, как идентифицировать образования, существующие вопреки сложившемуся международному порядку. Чем непризнанные государства отличаются от тех, что признаны на международном уровне? Обычно при ответе на данный вопрос принято ссылаться на авторитет ООН. Между тем сама она не дает четкого и определенного ответа на вопрос о процедурах признания того или иного государства: «Признание нового

государства или правительства – это акт, который могут совершить или отказаться совершить только государства и правительства. Как правило, оно означает готовность установить дипломатические отношения. Организация Объединенных Наций – это не государство и не правительство, и поэтому она не обладает никакими полномочиями признавать то или иное государство или правительство. Являясь организацией независимых государств, она может принимать в свои члены новые государства или принимать полномочия представителей нового правительства» [21].

Одним из немногих документов в международном праве, дающих определение самого понятия «государство», является Конвенция Монтевидео «О правах и обязанностях государств» (принята 26 декабря 1933 г.). В ее первой статье говорится, что государство может рассматриваться как «субъект международного права», если оно обладает «постоянным населением», «определенной территорией», «правительством», «способностью вступать в отношения с другими государствами». Третья статья прямо и недвусмысленно утверждает: «Политическое существование государства не зависит от признания его другими государствами. *Даже до признания государство имеет право защищать свою целостность и независимость* (курсив наш. – С. М.), обеспечивать свою защиту и благосостояние и впоследствии организовать так, как оно считает для себя выгодным, издавать законы в собственных интересах, организовывать государственную службу и определять юрисдикцию и компетенцию своих судов» [22].

И хотя многие видные теоретики и практики международного права, такие как член Комиссии ООН по международному праву Я. Браунли и профессор М. Шоу [23 с. 70,24], рассматривали принципы Конвенции Монтевидео как «существенные», но «не единственные и не непреложные», именно этим определением «государства» руководствовалась Арбитражная комиссия по бывшей Югославии, названная также «комиссией Бадинтера»¹. Так, во Мнении Арбитражной комиссии № 11 утверждалось, что по критериям, определенным в Конвенции Монтевидео, Хорватия стала государством 8 октября 1991 г. Аргументом был следующий тезис: к этому времени хорватские власти контролировали около 70 %

¹ Комиссия была создана 27 августа 1991 г. и названа по имени Р. Бадинтера, французского юриста и писателя, бывшего председателя Конституционного суда и министра юстиции Франции. Она предоставляла политико-правовые рекомендации по спорным проблемам этнополитического самоопределения на Балканах в 1991–1993 гг.

территории страны, принимали собственные законы и вели международные переговоры. Между тем вступление этой страны в ООН состоялось только в мае 1992 г. Базируясь на данных рекомендациях, Международный трибунал по бывшей Югославии выстраивал свою обвинительную аргументацию против Слободана Милошевича при выяснении вопроса, на территории какого государства были совершены военные преступления – независимой Хорватии или же распадающейся Югославии [25].

Таким образом, юристы помогли политикам обосновать этнополитическое самоопределение Хорватии на основании того, что центральные институты Югославии перестали функционировать. Это самоопределение бывшей союзной югославской республики было интерпретировано не как реализация проекта сецессии, а как создание нового государства на развалинах старого. Но этот же самый подход не был применен в случае с отделением от Хорватии Республики Сербская Краина или Республики Сербской, заявившей о своей независимости от вновь возникшей Боснии и Герцеговины. В контексте же ситуации в Закавказье, по справедливому замечанию Ч. Кинга, «постсоветский порядок... был не естественным итогом стремления отдельных наций к независимости, но скорее отражением способности мирового сообщества терпеть один вид сецессии, но отвергать другой. В конце концов, история успешной сецессии в случае с Арменией, Азербайджаном и Грузией стала легитимной посредством международного признания и членства в многосторонних организациях. Сецессия же непризнанных режимов Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии рассматривались извне как бесперспективные попытки рационализировать капризы сепаратистов» [26 р. 220].

Действительно, появление непризнанных образований, как правило, зарифмовано с правом на самоопределение и сепаратистскими практиками. Между тем и здесь международное право не дает формул, которые не допускали бы множественность интерпретаций. Устав ООН формулирует право наций на самоопределение как принцип в статьях 1 (гл. I) и 55 (гл. IX). Однако, как справедливо отмечает германский правовед Г. Нольте, этот фундаментальный ооновский документ не рассматривает право на самоопределение даже в контексте деколонизации. По его мнению, «лишь после того, как процесс деколонизации развернулся во всю мощь, принцип самоопределения был признан как имеющий юридически обязывающую силу» [27 с. 60].

Правовая амбивалентность в отношении возможностей для самоопределения содержится не только в международно-правовых документах, но и в докладах, посвященных расследованию обстоя-

тельств вооруженных конфликтов, сопровождающих этот процесс. Так, в докладе Международной независимой миссии по сбору фактов о конфликте в Грузии (известном также как «Доклад Тальявини», по имени швейцарского дипломата, главы Миссии) говорится, что Абхазия и Южная Осетия обладают правом на самоопределение не только как меньшинства. Также отмечается, что у них есть «объективные характеристики, такие как общий язык, культура и религия (последнее более чем спорно в абхазском случае. – С. М.)», а также «намерение сформировать собственное политическое сообщество». При этом тот же Доклад утверждает, что право на самоопределение не означает право на сепессию абхазов и осетин [28].

Впрочем, непризнанные государства как феномен не могут быть исследованы исключительно в международно-правовых категориях. Как справедливо отмечает Г. Нольте, «случаи Южной Осетии, Абхазии и Косово имеют правовое и политическое измерение», а «политические акторы стремятся оправдать свои позиции, обращаясь к праву» [27 с. 62–63]. Действительно, само создание непризнанных государств и начало борьбы за их международную легитимацию не в последнюю очередь – факты эмоционально-символического и социально-культурного плана, без учета которых невозможно любое эффективное урегулирование межэтнических споров как неизбежного спутника этих особых государственных образований.

К тому же мировое сообщество, которое могло бы утверждать статус «признанного образования», и само испытывает глубокий кризис. После существенной ревизии ялтинско-потсдамского мироустройства контуры нового миропорядка оказались весьма расплывчаты. Следовательно, размыты и критерии признания/непризнания как таковые. Отсюда и использование не столько правовых стандартов, сколько политической целесообразности в процессе признания. Наибольшая проблема для международного сообщества – это признание де-факто образований их гражданами, чье гражданство и политическая идентичность не признаются. Можно сколько угодно (и по большей части справедливо) обвинять политиков Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья в экстремизме и радикальном отношении к «материнским образованиям», от которых они отделились, но их устремления базируются на массовой поддержке населения, прошедшего через кровавые конфликты и попытки разрушения установившегося в начале 1990-х гг. статус-кво. Именно это позволяет, по мнению германского политолога Ш. Требста, рассматривать де-факто образования как нечто большее, чем «криминально-сепаратистские анклав» [29].

Использование такого критерия, как демократические выборы, для легитимации режима также не всегда работает в пользу «материнских государств» против де-факто республик. Далеко не все непризнанные образования авторитарны. Напротив, многие из них прошли конкурентные выборы и знали случаи мирной передачи власти от одного политика другому (Абхазия, Приднестровье, Южная Осетия) или преемнику, близкому властной элите (НКР). В абхазском и приднестровском случае такая мирная смена власти имела место не единожды, а в югоосетинской ситуации, несмотря на масштабный кризис 2011–2012 гг., внутренний конфликт удалось урегулировать без значительных негативных последствий. Демократический вектор в контексте де-факто государств требует, конечно, известных поправок на неразрешенные этнополитические конфликты. Образования, не имеющие признаний (или имеющие весьма ограниченное их количество), обеспечивали определенные стандарты политической конкуренции в рамках своей этнической группы (абхазы, осетины, армяне Нагорного Карабаха). В этом смысле мы можем говорить об «этнодемократии» [9 с. 70–71].

Таким образом, постсоветские республики, не имеющие широкого международного признания, обладают следующими принципиальными характеристиками. Во-первых, декларативный характер их государственности. Государства такого типа заявляют о своем фактическом суверенитете и обладают некоторыми важными атрибутами государства (территория, правительство, вооруженные силы, в некоторых случаях даже своя денежная система). Во-вторых, их суверенитет обычно не имеет внешней легитимации (он не признается ни ООН, ни большинством государств – членов этой организации). Как следствие – невозможность полноценного участия в международной политике и внешнеэкономической деятельности. В-третьих, по справедливому замечанию российского политолога А.А. Цуциева, «непризнанные государства всегда расположены на территории, которая рассматривается международным сообществом как часть территории и поле суверенитета существующего признанного государства» [30 с. 31].

В-четвертых, несмотря на признание претендентов на территорию и население непризнанных государств со стороны «законных» «материнских» образований, окончательный их статус остается долгие годы неопределенным. Отсюда – «нестабильная стабильность», имманентно присущая непризнанным образованиям. Над ними постоянно висит «дамоклов меч» «восстановления территориальной целостности» со стороны «материнского государства». Следовательно, эти образования обладают специфическим суверенитетом. А. А. Цуциев [30 с. 30] определяет его как «проблемный»,

А. Яннис – как «подвешенный», а Г. Лapidус – как «оспоренный» суверенитет [31,32]. Данная ситуация усугубляется еще и тем, что в отношении к таким образованиям нет четких и признаваемых всеми правовых критериев, принципы политической целесообразности абсолютно доминируют.

Государства без признания: единство в многообразии

По мнению А.А. Цуциева, «семейство непризнанных [государств] имеет сложный состав» [30 с. 31]. На сегодняшний момент мы могли бы обозначить несколько типов таких образований.

Первый тип – это самопровозглашенные республики, которые просуществовали от нескольких дней до нескольких лет, так и не сумев создать эффективные органы власти, управления и военно-политическую инфраструктуру. Еще до образования ПМР на территории Молдавии в августе 1990 г. была провозглашена Гагаузская Республика. Она тоже не имела властной инфраструктуры в виде автономной республики или автономной области. Именно эта территория с населением около 150 тыс. человек, 80 % которых составляли гагаузы – тюркский народ христианского вероисповедания, стала пионером в движении самопровозглашенных республик. Однако впоследствии Гагаузия не вышла де-факто из состава Республики Молдова. В 1994 г. парламент Молдовы принял Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз-Ери), наделивший регион с компактным проживанием гагаузов правами автономии. И сегодня большая часть политических сил Гагауз-Ери не выступает за полную независимость.

Но, пожалуй, рекордсменом по количеству самопровозглашенных образований стал российский Северный Кавказ. Здесь на территории одной лишь Карачаево-Черкесской Республики было провозглашено 5 (!) образований. Гораздо больше времени просуществовала самопровозглашенная Чеченская Республика Ичкерия. В 1991 по 1994 г. и в 1996–1999 гг. предпринимались попытки построить чеченское государство де-факто, однако и в первом, и во втором случае опыт государственного строительства завершился провалом. Вместо государственных институтов в Чечне существовала федерация «полевых командиров». Еще до начала первой антисепаратистской операции России в декабре 1994 г., на чеченской территории уже полыхало пламя гражданской войны. В ходе военных столкновений между президентом Джохаром Дудаевым и сторонниками городских властей Грозного в июне 1993 г. погибли 50 и получили ранения 150 человек. В 1992–1994 гг. отдельным

«государством в государстве» был Надтеречный район Чечни, ставший эпицентром антидудаевского движения.

Подписав после провальной первой чеченской кампании Хасавюртовские соглашения в августе 1996 г., Москва соглашалась на «отложенный статус Чечни» до 31 декабря 2001 г. Фактически это было признанием того, что Чечня не полностью находится в политическом пространстве РФ (что фиксировала российская Конституция 1993 г.). Однако в 1996–1997 гг. ичкерийские власти в одностороннем порядке, игнорируя Хасавюртовские соглашения, стали определять свой «отложенный статус». Уже в сентябре 1996 г. власти Ичкерии ликвидировали светское судопроизводство, ввели уголовный кодекс, основанный на нормах шариата и противоречащий российскому законодательству. Исчезновение общей угрозы раскололо сепаратистский лагерь на сторонников светской националистической модели и поборников исламского государства. Попытки же экспорта «Ичкерии» в соседний Дагестан привело к вмешательству Российского государства и последующей ликвидации инфраструктуры сепаратистской Чечни.

В августе 1998 г. в селах Кармахи, Чабанмахи и Кадар Буйнакского района Дагестана исламские радикалы заявили об отказе подчиняться официальным властям этой республики и о создании «Отдельной исламской территории», внутри которой произошла ликвидация официальной власти силовых структур, введение шариатского судопроизводства и вооруженных постов по защите «суверенитета» данной территории. «Отдельная исламская территория» была ликвидирована 12 сентября 1999 г. в ходе операции российской армии и внутренних войск РФ.

В 1993 г. Азербайджан помимо карабахского конфликта столкнулся с сецессией талышей – ираноязычного народа, проживающего на юге страны. В июне 1993 г. в Ленкорани была провозглашена Талыш-Муганская Республика во главе с полковником азербайджанской армии А. Гумбатовым. Однако этот опыт не удался, в августе 1993 г. Гумбатов был арестован, после чего началась маргинализация талышского политического движения.

Второй тип непризнанных образований – это де-факто государства. Обладая «проблемным» («подвешенным») суверенитетом, они смогли за два или три десятилетия реализовать свои проекты государственного строительства (консолидация власти, установление контроля над определенной территорией). Как правило, у де-факто государств есть своя внешняя политика. Нагорно-Карабахская Республика имеет несколько представительств за рубежом – в Армении, РФ, Франции, США, Австралии, Ливане, Центральной Европе. Их лидеры, хотя и не признаются в качестве

полноценных президентов или глав правительств, участвуют в переговорном процессе по поводу определения их статуса. В некоторых переговорных форматах они рассматриваются как самостоятельные стороны конфликта – случай с Приднестровьем, которое во всех документах, посвященных разрешению конфликта с Молдовой, рассматривается именно в таком качестве.

Третий тип – частично признанные государства. Эти образования не имеют членства в ООН и не признаются большинством государств – членом этой организации. Однако они сделали более серьезную заявку на международную легитимацию и преодоление состояния «проблемного» (или «оспоренного») суверенитета. Образования третьего типа получили признание от нескольких государств, входящих в ООН. Количество таких признаний может варьироваться от 113 (Косово), 24 (Китайская Республика или Тайвань) до 1 (Турецкая республика Северного Кипра, чью независимость признает только Турция, и Свободный Кашмир – непризнанное образование, которое признает только Пакистан). Между тем чисто количественные показатели не являются основополагающими в оценке степени прогресса в процессе международной легитимации. У Абхазии и Южной Осетии количество признаний ограничено четырьмя странами, тогда как у Сахарской Арабской Демократической Республики таковых 80, и она помимо этого, является членом Африканского союза. Однако независимость двух бывших грузинских автономий признала Российская Федерация – постоянный член Совета безопасности ООН и «ядерного клуба». В отличие от де-факто государств, частично признанные образования подписывают с признавшими их странами двусторонние договоры, которые считаются легитимными уже не только на территории страны с «оспоренным статусом». В некоторых случаях между частично признанными образованиями и странами – членами ООН устанавливаются дипломатические отношения. Так, Россия открыла свои посольства в Абхазии и Южной Осетии, в то время как абхазская и югоосетинская миссии появились в Москве. Посольство Абхазии было также открыто в Венесуэле, а обязанности посла Боливарианской Республики Венесуэла в Сухуми и Цхинвали стал исполнять посол Каракаса в Москве.

В то же самое время частично признанный статус вовсе не является пропуском в ООН. Несмотря на поддержку независимости Косово со стороны семи членов «Большой восьмерки», два голоса постоянных членов Совета безопасности ООН (КНР и РФ) делают невозможным полноценное включение бывшего сербского края в мировое сообщество, а значит, и подключение к международным механизмам обеспечения безопасности. Сближению же

Косово с ЕС и другими европейскими структурами мешают страны – члены Союза, отказавшиеся от признания его независимости (Румыния, Испания, Словакия, Греция и Кипр).

Заключение

Таким образом, де-факто государства, существующие вне широкого международного признания, представляют собой важный элемент современных политических трансформаций. Их повышенная роль в нынешней международной политике объясняется незавершенностью формирования нового глобального миропорядка, который возник на основе системного кризиса ялтинско-потсдамской системы. В не оформившейся до конца системе международных отношений слишком много недоговоренностей, правовых и политических неопределенностей, значительных зазоров между де-факто и де-юре и еще больше интерпретаций. Но самое главное, затянувшийся переход от одной системы международных отношений к другой сильно тормозит выработку общих подходов и критериев к признанию новых государств, сецессии и территориальной целостности. Все это позволяет непризнанным республикам не только поддерживать свое бытие, но и находить заинтересованных союзников среди влиятельных международных игроков, а также оказывать влияние на мировую политику, непропорциональное их статусу (экономический вес, численность населения, природные ресурсы).

Сам феномен непризнанных государств невозможно привести к единому знаменателю. В его рамках рассматриваются и провалившиеся государственные проекты, и относительно успешные, сделавшие многое на пути международной легитимации, и те, которые по многим параметрам опережают страны, к которым формально приписаны. Все столь непохожие истории объединяет только одно – отсутствие их признания большинством государств и международных институтов. Однако и в этом случае единая оценка непризнанных образований проблематична. Непризнание может и ослаблять, и усиливать политические элиты и государственные институты образований, не имеющих членства в ООН. Но, пожалуй, самый главный урок, который можно извлечь из анализа данного явления, заключается в том, что в разрешении затяжных этнополитических и религиозных конфликтов (порождением которых и стали непризнанные государства разной степени зрелости и эффективности) опора исключительно на формально-правовой инструментарий невозможна. Приходится учитывать массу

факторов социально-культурного, экономического и психологического свойства. На данном пути неприемлема жесткая схема: либо поощрение сецессии, либо ее подавление. В любом случае, без выработки гибких правил игры, разделяемых ведущими мировыми игроками, непризнанные государства еще долго будут оставаться источниками нестабильности не только для «материнских государств», но и для своих союзников и покровителей.

Литература

1. *Lynch D.* Separatist States and Post-Soviet Conflicts // International Affairs (Royal Institute of International Affairs). 2002. Vol. 78. № 4 (Oct.). P. 831–848.
2. *Маркелова А.А.* Сецессия как политический феномен // Социум и власть. 2017. № 3 (65). С. 52–53.
3. *De Waal T.* Black Garden: Armenia and Azerbaijan Trough Peace and War. New York; London: New York Univ. Press, 2003. 358 p.
4. *Pegg S.* International Society and the De Facto State. Aldershot: Ashgate. 1998. 308 p.
5. *Kolsto P., Malgin A.* The Transnistrian Republic: A Case of Politicized Regionalism // Nationalities Papers. 1998. Vol. 26. № 1. P. 103–128.
6. *Meron R.* After Empire: Russia and the Southern Near Abroad // The New Russian Foreign Policy. New York: Columbia Univ. Press, 1988. P. 220–232.
7. *Cornell S. E.* Autonomy as a Source of Conflict: Caucasian Conflicts in Theoretical Perspective // World Politics. 2002. № 2. P. 245–276.
8. *Lynch D.* Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. Washington: United States Institute of Peace Press, 2004. 175 p.
9. *Broers L.* The Politics of Non-Recognition and Democratization // Accord: An International Review of Peace Initiatives. The Limits of Leadership: Elites and Societies in the Nagorny Karabakh Peace Process / Ed. by L. Broers: 2005. № 17. P. 68–71.
10. *Kupchan C.* Independence for Kosovo // Foreign Affairs. 2005. Vol. 84. № 6. P. 152–160.
11. *Tamás G.* Ethnarchy and Ethno-Anarchism // Social Research. 1996. № 63 (1). P. 147–190.
12. *King C.* The Benefits of Ethnic War: Understanding Eurasia's Unrecognized States // World Politics. 2001. № 3. P. 524–552.
13. *Kolsto P.* The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States' // Journal of Peace Research. 2006. № 43 (6). P. 723–740.
14. *Ó Beacháin D.* Electoral Politics in Abkhazia. Paper presented at the conference "After the Melting of Frozen Conflicts", University of Tartu, Estonia, May 27–29, 2010. [Рукопись.]
15. *Ó Beacháin D.* The dynamics of electoral politics in Abkhazia // Communist and Post-Communist Studies. 2012. Vol. 45. P. 165–174.

16. *Blakkisrud H., Kolsto P.* Dynamics of de facto statehood: The South Caucasian de facto states between secession and sovereignty // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2012. Vol. 12. № 2. P. 281–298.
17. *Caspersen N.* Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System. 2012. Cambridge: Polity. 210 p.
18. Abkhazia: Between the Past and the Future / Ed. by S. Markedonov, I. Tekushev, K. Shevchenko. Prague: Medium Orient, 2013. 134 p.
19. *Kudelia S.* Domestic Sources of the Donbas Insurgency [Электронный ресурс] // PONARS Eurasia. 2014. Sept. URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/domestic-sources-donbas-insurgency> (дата обращения: 23 дек. 2017).
20. *Umland A.* In Defense of Conspirology: A Rejoinder to Serhiy Kudelia's Anti-Political Analysis of the Hybrid War in Eastern Ukraine [Электронный ресурс] // PONARS Eurasia. 2014. Sept 30. URL: <http://www.ponarseurasia.org/node/7274> (дата обращения 23 дек. 2017).
21. О членстве [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/sections/member-states/about-un-membership/index.html> (дата обращения 3 нояб. 2017).
22. Convention on Rights and Duties of States (inter-American), December 26, 1933 [Электронный ресурс] // Lillian Goldman Law Library. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam03.asp (дата обращения: 25 янв. 2018).
23. *Brownlie I.* Principles of Public International Law. 5th ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 1998. 784 p.
24. *Shaw M.* International Law. 4th ed. Grotius Publication, Cambridge Univ. Press, 1997. 449 p.
25. Yugoslavia through Documents. From Its Creation to Its Dissolution / Ed. by S. Trifunovska. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1996. 1346 p.
26. *King C.* The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford Univ. Press, 2008. 314p.
27. *Nolte G.* Principles of International Law: Self-Determination and Territorial Integrity – as Applied to the Cases of Abkhazia, Kosovo and South Ossetia // Conflict in Post-Soviet Europe. The South Caucasus: Are there Scenarios for Resolution? Berlin: Federal Foreign Office, Foreign Service Academy, 2009. 206 p.
28. Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict on Georgia. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.scribd.com/document/20427542/Tagliavini-Report-Georgia-Volume-I> (дата обращения 17 дек. 2017).
29. *Troebst S.* “We Are Transnistrians!” Post-Soviet Identity Management in the Dniester Valley // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 437–466
30. *Цуцнев А.А.* Территории проблемного суверенитета // Научные тетради Института Восточной Европы. М., 2006. Вып. 1. С. 19–35.
31. *Yannis A.* The Concept of Suspended Sovereignty in International Law and Its Implications in International Politics // *European Journal of International Law*. 2002. № 13. P. 13–35.
32. *Lapidus G.W.* Contested Sovereignty: The Tragedy of Chechnya // *International Security*. 1998. Vol. 23. № 1, Summer. P. 5–49.

References

1. Lynch D. Separatist States and Post-Soviet Conflicts. *International Affairs (Royal Institute of International Affairs)*. 2002;4(78):831-48.
2. Markelova AA. Secession as a Political Phenomenon. *Sotsium i vlast'*. 2017;3(65):52-3. (In Russ).
3. De Waal T. Black Garden: Armenia and Azerbaijan Trough Peace and War. New York; London: New York Univ. Press Publ.; 2003. 358 p.
4. Pegg S. International Society and the De Facto State. Aldershot: Ashgate Publ.; 1998. 308 p.
5. Kolstø P., Malgin A. The Transnistrian Republic: A Case of Politicized Regionalism. *Nationalities Papers*. 1998;1(26):103-28.
6. Meron R. After Empire: Russia and the Southern Near Abroad. V: *The New Russian Foreign Policy*. New York: Cambridge Univ. Press Publ.; 1988. P. 220–232.
7. Cornell SE. Autonomy as a Source of Conflict: Caucasian Conflicts in Theoretical Perspective. *World Politics*. 2002;2:245-76.
8. Lynch D. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. Washington: United States Institute of Peace Press Publ.; 2004. 175 p.
9. Broers L. The Politics of Non-Recognition and Democratization. V: Broers L, ed. *Accord: An International Review of Peace Initiatives: The Limits of Leadership: Elites and Societies in the Nagorny Karabakh Peace Process*. 2005;17:68–71.
10. Kupchan C. Independence for Kosovo. *Foreign Affairs*. 2005;6(84):152-60.
11. Tamás G. Ethnarchy and Ethno-Anarchism. *Social Research*. 1996;63(1):147-90.
12. King C. The Benefits of Ethnic War: Understanding Eurasia's Unrecognized States. *World Politics*. 2001;3:524-52.
13. Kolstø P. The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States'. *Journal of Peace Research*. 2006;6(43):723-40.
14. Ó Beacháin D. Electoral Politics in Abkhazia. Paper presented at the conference "After the Melting of Frozen Conflicts", University of Tartu, Estonia, May 27-29, 2010. [Manuscript.]
15. Ó Beacháin D. The dynamics of electoral politics in Abkhazia. *Communist and Post-Communist Studies*. 2012;45:165-74.
16. Blakkisrud H., Kolstø P. Dynamics of de facto statehood: The South Caucasian de facto states between secession and sovereignty. *Southeast European and Black Sea Studies*. 2012;2(12):281-98.
17. Caspersen N. Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System. Cambridge: Polity Publ.; 2012. 210 p.
18. Markedonov S., Tekushev I., Shevchenko K., eds. Abkhazia: Between the Past and the Future. Prague: Medium Orient Publ.; 2013. 134 p.
19. Kudelia S. Domestic Sources of the Donbas Insurgency [Internet]. *PONARS Eurasia*. 2014. Sept. (data obrashcheniya: 23 dec. 2017). URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/domestic-sources-donbas-insurgency>
20. Umland A. In Defense of Conspirology: A Rejoinder to Serhiy Kudelia's Anti-Political Analysis of the Hybrid War in Eastern Ukraine [Internet]. *PONARS Eurasia*. 2014. Sept 30. (data obrashcheniya 23 dec. 2017). URL: <http://www.ponarseurasia.org/node/7274>

21. United Nations Organization. On membership [Internet]. (data obrashcheniya: 3 nov. 2017). URL: <http://www.un.org/ru/sections/member-states/about-un-membership/index.html> (In Russ.)
22. Convention on Rights and Duties of States (inter-American), December 26, 1933. Lillian Goldman Law Library [Internet]. (data obrashcheniya: 25 jan. 2017). URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam03.asp
23. Brownlie I. Principles of Public International Law. 5th ed. Oxford: Oxford Univ. Press Publ.; 1998. 784 p.
24. Shaw M. International Law. 4th ed. Grotius Publication, Cambridge Univ. Press Publ.; 1997. 449 p.
25. Trifunovska S., ed. Yugoslavia through Documents. From Its Creation to Its Dis-solution. The Hague: Martinus Nijhoff Publ., 1996. 1346 p.
26. King C. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford Univ. Press Publ.; 2008. 314 p.
27. Nolte G. Principles of International Law: Self-Determination and Territorial Integrity – as Applied to the Cases of Abkhazia, Kosovo and South Ossetia. Conflict in Post-Soviet Europe. The South Caucasus: Are there Scenarios for Resolution? Berlin: Federal Foreign Office, Foreign Service Academy Publ.; 2009. 206 p.
28. Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict on Georgia. [Internet]. (data obrashcheniya 17 dec. 2017). URL: <https://ru.scribd.com/document/20427542/Tagliavini-Report-Georgia-Volume-I>
29. Troebst S. “We Are Transnistrians!” Post-Soviet Identity Management in the Dni-ester Valley. *Ab Imperio*. 2003;1:437-66.
30. Tsutsiyev AA. Territories of problematic sovereignty. V: *Papers of the Institute of Eastern Europe*. Moscow, 2006. Issue 1. p. 19-35 (In Russ.)
31. Yannis A. The Concept of Suspended Sovereignty in International Law and Its Implications in International Politics. *European Journal of International Law*. 2002;13:13-35.
32. Lapidus GW. Contested Sovereignty: The Tragedy of Chechnya. *International Security*. 1998;1(23), Summer:5-49.

Информация об авторе

Сергей М. Маркедонов, кандидат исторических наук, доцент, Россий-ский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; smarkpost@gmail.com

Information about the author

Sergey M. Markedonov, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; smarkpost@gmail.com